

Artykuły, Rozprawy

Статьи, Доклады

Мария Д. Култаева, Henryk Szabala

Университет Харьков, UG Gdańsk

К феноменологии политической романтики в посткоммунистическом пространстве

*W sprawie fenomenologii romantyki politycznej
w przestrzeni postkomunistycznej*

Описание реалий посткоммунистического мира нередко принимает гротескные формы. Процессы становления, как известно, не имеют четких контуров, а потому око наблюдателя способно придать размытым очертаниям будущих структур те формы, которые волнуют умы и сердца демиургов возможных политических миров. Поскольку их конструкции проходят испытания на полигонах философии политики, рассмотрим на ее почве теоретические возможности построения параллельных политических миров. В частности обратимся к смысловым интенциям политической романтики.

Такое обращение не случайно. Ведь политическая культура периода активизации трансформационных процессов характеризуется на всем посткоммунистическом пространстве доминированием романтических установок. При этом политическая романтика оказывается не временным увлечением, не игрой в виртуальный политический мир, а грозит превратиться в способ конституирования и стилизации общественной жизни в целом. Этому в немалой мере способствует сложившееся в европейской культуре еще в XIX в. Уважительное отношение к тому типу личностей, которых принято называть романтиками. Если такая личность является еще и политиком, то зрительские симпатии - явно на ее

стороне. Тут нет никакой натяжки. Романтик всегда колоритен и привлекателен, особенно если наблюдать за ним, сохраняя определенную дистанцию. Славянская ментальность склонна оказывать покровительство романтику даже там, где требуется трезвый расчет и жесткая дисциплина. Принято считать что он бескорыстен, честен, предан высшим идеалам, далек от житейской прозы и ее низменных соблазнов. Рыцарей в политике жаждут видеть охочие до зрелищ массы. При отсутствии таковых или развенчании самого романтика общественное сознание начинает изводить себя тоской по новым кумирам и романтизированным социальным ландшафтам.

Данная тенденция находит проявление прежде всего в смене интенциональности политического сознания. Так, повышенным спросом в последнее время начинают пользоваться политические гороскопы, предсказания ясновидящих, замена политических раскладов на тривиальную колоду в руке прозорливой цыганки,- словом все то, что когда-то называлось мракобесием Несомненно, все эти явления входят в романтический комплекс посткоммунистического общественного сознания, но не являются его главной составляющей. Мы не собираемся здесь разоблачать романтика, потрясая воздух старательно подобранным компроматом, или демонстрировать просветительское негодование, пытаясь подмочить репутацию Дон кихотов из Верховного совета или госдумских Маниловых. Я даже не стану рассматривать под увеличительным стеклом колоритную фигуру известного эпатажного писателя, а ныне посткоммунистического политика-революционера Э. Лимо-нова как реванш на изображенный им мой портрет интерьеров хрущевской оттепели. Вместо этого предлагаю перейти от фигур матерых и начинающих романтиков к тому, что придает им загадочный флер и возвышенность в глазах завороченных интерпретаторов - к философии политической романтики, которая непосредственно влияет на качество и направленность политического мышления В этой статье речь пойдет также и о скрытых опасностях романтической увлеченности в сфере политики. Хотя сразу же нужно оговорить, что появление в политической культуре романтического комплекса является многозначным и многоаспектным симптомом, по которому можно определить не столько недуги общества, сколько готовность социальной системы к изменениям.

Романтический комплекс как целостное образование в рамках сложившейся политической культуры имеет свое вертикальное и горизонтальное измерение. Первое охватывает предпосылки смысловые коды политической романтики, а также герменевтический инструментарий для их декодировки. Второе измерение, горизонтальное, разворачивает поле саморепрезентации политической романтики, ее представленности

в социокультурных синтезах, в политических практиках в политическом поведении.

Если в первом измерении основной составляющей является культурно-историческая компонента, то во втором - основной детерминантой выступает человеческий фактор. Единство этих двух измерений, целостность романтического комплекса, обеспечивается теоретической мировоззренческой программой. Она претендует на роль особой философии политической жизни, образуя подвижное концептуальное ядро политической романтики.

Однако прежде чем перейти к его анализу, целесообразно остановиться на предпосылках концептуального оформления самой политической романтики. Ведь не благодаря исключительности украинской ментальности или загадочным свойствам русской души политическое мышление начинает задумываться над возможностями романтических приключений в виде утопических проектов или социальных экспериментов. Анализ таких предпосылок важен не только с чисто теоретической точки зрения, но и потому. Что романтические политические ходы и выходы, переплетаясь с другими стратегиями и установками, обладают скрытой интенциональностью, благодаря чему безответственная романтическая ирония принимается за трезвое политическое мышление. Дело тут не в пособничестве старым теориям а в предрасположенности романтического политического сознания к симбиотическим связям. Если попытаться воссоздать хронологическую последовательность установления такого рода связей, то нетрудно заметить, что романтическое сознание всегда вторично, оно всегда запаздывает на деловую встречу с потенциальным партнером, сохраняя при этом амбиции сыграть первую роль в социально-политических трансформациях. Его текст нуждается не в подтексте, а именно в другом тексте, от которого затем будет дистанцироваться и переходить в контрастование армия романтически выстроенных смыслов. Лаконичное определение специфики современной политической романтики дано П. Тиллихом. Политическая романтика, - пишет он, - представляет собой контрдвижение, направленное против мессианства и просвещения на духовной почве и в социальных условиях, определяемых мессианством и просвещением (7, с. 34).

Таким образом, ситуация, в которой романтический комплекс начинает заявлять о себе в качестве определенных, но парадоксально экстерриториальных формообразований, а именно: как движение, идеология и даже организация (хотя последнее внутренне противоречит принципам функционирования романтических смыслов) выступает как бы потенциальной зоной отторжения или целосного социально-политического тела или его части. Телесный аспект занимает значительное место в романтически ориентированном политическом мышлении, которое стремится

придать плоть и кровь своим конструкциям, желая оживить и воодушевить собственные теоретических построения, придать им видимость параллельного политического мира (о таких попытках в русской философии истории см. 2, с. 107). Трагизм данного типа мышления состоит в том, что оно, провозглашая себя абсолютно свободным, должно считаться со сложившимися обстоятельствами. Как подчеркивает П. Тиллих, такое вышление обладая повышенным воинственным задором и куражем, вынуждено бороться с реальностью и оппонентами, принимая те условия, которые отрицает, причем используя даже средства противника Коварное двуличие политической романтики обусловлено ее беспочвенностью и отсутствием своего языка при повышенной чуткости к семантическим сдвигам и тонкостям. Ведь „политической романтике приходится применять этические понятия мессианства и подавать себя в качестве более высокого этоса, например как высшую справедливость, хотя... ее основания исключают такую этику В качестве средства для своего обоснования она вынуждена использовать результаты рационального анализа, например исторические и социологические исследования, сослаться на то, к чему сама изначально питает недоверие... Так возникают теории политической романтики, которые несмотря на всю свою изобретательность не могут избежать противоречия, вытекающего из необходимости рационально обосновывать иррациональное. Так, возникает практика политической романтики; она разворачивается на почве рационально организованного общества и потому вынуждена также принимать рациональные организационные формы, которые сама же намеревалась устранить” (7. с. 34).

Внутренне противоречивый, раздвоенный характер романтической политической теории и практики вовсе не означает, что она всецело сконцентрирована на адаптационных потугах, забывая о своих претензиях на уникальность. Показательно что эта уникальность в построениях национальной романтики, будь то немецкая, польская, российская, украинская разновидности, обладает рядом общих черт. Их можно рассматривать как характеристики идеально-типических конструкций, которым в результате хлипкого основания постоянно грозит опасность обвала.

В качестве примера здесь можно привести статус депутата, народного избранника, который происходит как бы из истоков национального бытия, а потому изначально неприкосновенен, что бы он ни делал и не совершал как личность Так полемика насчет правомочности лишения депутатской неприкосновенности перед Всеукраинским референдумом показало тупики, противоречия и парадоксы национального романтического политического мышления, которое стирает границы не только между сущим и должным, но и между должным и желаемым Именно здесь закладываются предпо-

сылки латентных конфликтов, заявляющих о себе неадекватным способом как переносы и сублимации нереализованных властных устремлений.

Учитывая зыбкое состояния почвы для укоренения и роста альтернативных идей, наделенных даром мимикрии, политическая романтика стремится создать и возделывать почву для своего собственного мышления, аутентичного и не связанного никакими обязательствами Иными словами. речь идет о легитимации иррационального в политической теории и практике. Уже упомянутый выше Тиллих, связывает легитимацию теории и практики политической романтики с эксплуатацией мифологем, восходящих к политическому бессознательному „Сила политической романтики, - подчеркивает он, - отнюдь не в ее научном обосновании. Такого она не может себе позволить, поскольку пытаясь обрести научную, т.е. рациональную форму, неизбежно вступает в противоречие со своими исходными посылками. Поэтому в отличие от буржуазного либерализма и пролетарского социализма, коренящихся в рациональном, она не выдвинула каких-либо великих теоретиков ни в прошлом, ни в настоящее время... Политическая романтика предпринимает попытку преодолеть расчленение сущего на субъектно-объектные отношения, преодолеть сопротивление анализа, вновь обрести изначальное единство, охватить его в целом, вместо того, чтобы исследовать” (7, с. 43). При этом романтическое презрение к аналитической работе, научно обоснованным прогнозам и перспективам в современных условиях выражается не столько открыто как программа альтернативных проектов, сколько в присущей политической романтике превращенной форме. В последние годы романтический комплекс как украинского так и российского общественного сознания подпитывается описаниями специфики национальных менталитетов и констатациями их уникальности.

Показательно при этом, что помимо идентификации по принципу „мыони” квазиуникальная характеристика романтического политического тела под названием „национальные общности” (они обладают культурной, а вовсе не политической уникальностью) остановится стереотипным воспроизведением идеально-типических черт мифа о происхождении. Так. в немецкой, украинской, польской, российской и других разновидностях политической романтики нетрудно найти мотивы антеизма, почвенничества... силы истоков, уз происхождения, крови. Описание основных черт украинской ментальности, например, как в статике, так и в динамике, обнаруживает много общего с описанием менталитета вестфальского крестьянина 30- годов - тот же комплекс неполноценности, тот же антеизм, та же любовь к природе, любовь к своему языку (платдойч) на котором создается литература (К. Кох и др.) Открытие таких совпадений в культурно-исторических пространствах имеет не только культурно-антропологическое, но и политологическое значение, поскольку их включение

в область политического мышления симптоматично (эмпирические данные по сравнительной социальной этологии см. 3. 4). Такое мышление покидает область универсальных человеческих ценностей и локализуется в мистифицированной сфере национального бытия. Опасности такой локализации состоят прежде всего в выпадении из исторического времени. Об этом не в последнюю очередь свидетельствует метафорика возрождения, когда утраченные исторические возможности, рассматриваются как реальные и осуществляется музеезация культуры. Время политического романтического сознания начинает ходить по кругу, а то и просто топтаться на месте. Как отмечает Тиллих, в этом случае „время находится под властью пространства. Время отделяется от своей сущности и теряет свою силу. когда его начинают воспринимать как круговорот или цикл круговоротов. Ведь его сила состоит в том, чтобы двигать бытие вперед к необратимому новому. До тех пор, пока оно не обретет этого значения, ему приходится оставаться модификацией пространства. Именно поэтому для всех групп, связанных происхождением, бытие имеет значение как сохранение пространства и создание пространства. Потеря собственного пространства воспринимается как потеря бытия” (7, с. 27).

Этим обстоятельством не в последнюю очередь объясняется повышенная роль, которая отводится в современной политической жизни стран СНГ проговариванию раскладов геополитических процессов (это проговаривание не следует путать с консультациями и дискуссиями, предполагающими коммуникативную компетентность). Показательно например что путинский замысел реформирования государственной власти по вертикали, романтический по своей интенциональности, привязан непосредственно к пространству, которое, с одной стороны придает почву и смысл трансформационным процессам, а с другой как бы снимает вопрос о целях и направленности социального развития. Ибо лишь вопрос „для чего” включает хронометр истории. Показательно, что европейская, а раньше и квазиальтернативная евразийская позиции, демонстрируют всю туже привязанность к пространству.

Сама Европа как перспектива европейский дом и прочие метафорические обозначения желаемых дислокаций выступают в политических заявлениях как разновидность романтической неопределенности и недостижимости Украина весьма романтически становится на европейский путь. Она провозглашает сама себя европейской страной, активизируя мифологемы происхождения гальванизируя историческое сознание оживляя тени давно забытых предков. При этом показательно что европейская ориентация по-разному интерпретируется в рационалистическом и романтическом политическом сознании. В первом случае на передний план выдвигаются рационально обоснованные перспективы на овладение достижениями европейского человечества в области политической жизни -

традиции свободы, парламентаризма, повышение эффективности экономики, т.е. установка на продуктивное саморазвитие во-втором - ориентация на Европу как нечто само по себе обеспечивающее подъем благосостояния. Европа здесь выступает предметом мечтаний вчерашних кухонных политиков в миражах обыденного сознания... Европа благогостояния - это то Эльдorado по которому тоскует несчастное сознание граждан посткоммунистических политических новообразований. Показательно, что в структурирование самой Европы европейские страны СНГ не спешат включаться, используя собственное социальное творчество. Их позиция - мечтально-выжидающая или лакейски-просительная. В европейский дом принимается обслуга по рекомендательным письмам. Тут необходимы смиренная поза и испытательный срок, как например, в польско-венгерском варианте.

Романтической иллюзией является миф об Европе как цитадели благополучия. Но с этим мифом национальное романтическое мышление переходит уже на макроуровень теоретической рефлексии, да и политическая романтика превращается из национальной в универсальную. Европа как романтическая политическая цель принципиально отличается от рационально обоснованной европейской политики. Последняя занимается не поисками доказательств в пользу изначальной европейскости, а налаживанием конструктивных взаимовыгодных отношений с Западом. Статический подход к Европе является существенным моментом в ее романтическом осмыслении. При этом речь идет вовсе не о двух эшелонах, не о гонке за лидером и т.п. Романтическое политическое мышление аристократично. Плестись в хвосте и перенимать западные рецепты оздоровления экономики или общественного сознания - тяжкий крест, непосильная ноша для романтика, который в любой момент может отбросить дипломатические тонкости и правила хорошего тона и возвратиться к истокам, где якобы быют ключом сохраненные смыслы „правильной политики”. Статическая модель Европы позволяет вывести ее семантические смыслы из-под власти времени и представить в качестве необходимой и вместе с тем в силу якобы случайных обстоятельств несбыточной мечты, легитимность которой гарантируется законом „одной крови”, мифом о происхождении.

Следует отметить что идеал „статической Европы”, будь то Европа благосостояния или Европа свободы или достойная подражания модель парламентаризма, отнюдь не всегда предстает как совпадение сущего и должного, хотя такой расклад тщательно подтасовывается романтическим мышлением. Оно, как показывает история политической романтики, вполне может довольствоваться должным, разумеется при условии, что это должное оказывается желаемым. Такая романтизированная Европа может служить иллюстрацией одного из центральных принципов политической

антропологии, которая, как правило выступает методологической основой романтических политологических изысканий. Речь идет о принципе утопического места Поэтому вовсе не случайно охваченный романтическим порывом Ф. Ницше требовал показать ему „хорошего европейца” (6, с. 99). Статическая модель Европы в построения, рассуждения и политических поступках, продиктованных кодексом чести романтического мышления всегда находится в запредельной территории, отдаляясь от наблюдателя.

Традиционные для 19 ст. образовательные путешествия как и современный туризм и даже шоп-туры и челночные практики способствовали закреплению представлений об экстерриториальности Европы-мечты. Если для славянофильского политического мышления статическая Европа предстает как живое существо, роскошное политическое тело, которое „нас не хочет” (Данилевский), то для западных европейцев с романтическим складом мышления она рассматривается прежде всего как опыт вневременной экстерриториальности, как возможность политического трансцендирования. Для такого трансцендирования вовсе не обязательно например, немцу выезжать в Швейцарию или во Францию. Европу вполне можно построить на романтический манер, например в виде средневекового замка или неприступной крепости. Напомним мечтания идеологов Третьего рейха о „крепости Европа”

Уже перечисленные примеры показывают неоднородность романтического политического конструирования. Принято различать консервативную и революционную политическую романтику. Правда, они нередко переплетаются друг с другом или перемешиваются в самых разнообразных пропорциях, но тем не менее сохраняют свои знаки отличия и могут доводить внутривидовые разборки до открытых столкновений. Консервативная романтика стремится сохранить „изначальную”, систему ценностей и общественных ориентаций, восходящую к истокам нации, человечества и т.п. Поэтому она охотно взывает к общечеловеческим ценностям, которые выступают критерием истинности и подлинности политической практики, ее целью, легитимацией политических действий. Опасность консервативной политической романтики состоит в том, что она, особенно в обществе дефицита, создает иллюзию возможности достижения оптимальных результатов при минимальных затратах сил, энергии и средств. Она любит такие мероприятия, как всенародные референдумы, народные волеизъявления, массовые инициативы, движения. Примерами тому изобилует не только история независимой Украины, но и западных стран с прочными демократическими традициями, например США. Напомним практику так называемой народной дипломатии, которая создавала иллюзии, что сложные политические проблемы, такие как урегулирование конфликтов, рычагов напряженности можно решить

простыми и доморощенными способами, просто повернув мышление людей к их истокам и ценностям.

При рассмотрении специфики консервативного и революционного романтического мышления важно учитывать следующий момент. Революционная, жаждущая не возрождения, а радикального обновления политическая романтика отходит от статических идеалов, от предзаданности социально-политического и культурного развития. В сжатой форме различие между консервативной и революционной политической романтикой можно охарактеризовать следующим образом. Консервативная романтика стремится отыскать (возродить, реконструировать и т.п.) изначальное, выступая в роли более или менее удачного и продвинутого заклинателя социального имперфекта, а то и плюсквамперфекта. Революционная же претендует на роль творца нового политического мира, отталкиваясь среди прочего также от идеи эмерджентности. Современные авторы программ выхода из кризиса, сторонники разного рода шоковых терапий, воспитатели политических элит охотно прибегают к инструментарию политической романтики, стремясь найти в ней средство для воодушевления масс и проведения непопулярных мер или наоборот - популистских акций.

Поскольку идеи революционной и консервативной романтики вместе могут образовывать гремучую смесь, а также вступать во внутренние выяснения отношений, рассмотрим подробнее основные категории их теоретических построений. Как отмечает П. Тиллих, „основным понятием консервативной романтики является понятие органического, в то время как революционная романтика нащупывает противоречие между идеей организма и политико-рациональным действием, предпочитая такие понятия, как движение, акция, жизненный натиск и напористость, подъем и т.п., тем самым репрезентируя идею динамического в ее подлинном смысле. Понятие динамического является незаменимым для определенного слоя действительности и определенного миропонимания... При этом динамичным следует назвать такое бытие, которое находится в движении от своей возможности к своей действительности” (7, с. 36).

Однако романтический динамизм является скорее самоцелью, чем стремлением осмыслить подвижность и изменчивость политического мира, который на рубеже тысячелетий убедительно демонстрирует свое тяготение к состоянию неустойчивого равновесия, к подвижной расстановке политических сил при, казалось бы, надежно закрепленных структурах.

В теоретическом плане введение категории динамики в политологические построения романтического образца дают возможность конкретизировать романтические установки, маневрировать социальными и историческими идеалами, то отдаляя их, то приближая, в зависимости от

настроений политического разума, занятого романтическими переживаниями.

Объединяясь в неоконсервативных установках, идеи консервативной и революционной романтики, несмотря на несовместимость идей органического и динамического, работают не на взаимоуничтожение, а усиливают свои деструктивные интенции по отношению к действительности. Романтическое политическое мышление - это провоцирующее мышление. Если рассуждать о пользе и вреде политической романтики для жизни, нельзя не признать, что романтическая приправа необходима для стимуляции политического мышления. Однако излишне сильная романтическая закваска может вызвать помрачения и затмения политического разума, а то и спровоцировать политическое слабоумие. Наиболее отчетливо романтические переборы проявляются в политической коммуникации, что в условиях вербализации политики имеет принципиальное значение. Так, К. Левит выделяет следующие черты романтически окрашенной коммуникации: „Сущностной формой романтической речи является не приказ и даже не какой-либо аподиктический диктат, а „вечный разговор”, спонтанно возникающая речь, без четко определенного начала и четко поставленной цели. Романтик смешивает все категории, он неспособен к однозначному различению смыслов и выбору, к решению, которое не подлежит дискуссиям. Таким образом, политическая романтика оказывается уже в своих основаниях псевдополитической, поскольку в ней отсутствует моральная серьезность и политическая энергия” (5, с. 36).

Движение романтически окрашенных политических дебатов по кругу в надежде на открытие подлинных истоков социальной справедливости или на созидание новых начал присуще практике осваивающихся молодых постсоциалистических парламентов. Их прохождение через романтическую стадию вполне закономерно. Дело в том, что романтическая гиперболизация неизбежно возникает при отсутствии профессионализма в политике. Обыденное сознание, очутившись в стенах залов заседаний, начинает судорожно метаться по необжитым им помещениям мифологизируя и мистифицируя новые пространства. Оно легко внушаемо и самовнушаемо, всегда готово наделать много шума из ничего. Разрыв между словом и делом узаконивается романтическим мышлением, ибо слово уже само по себе уже воспринимается им как дело.

Если в политической культуре общества доминирует романтический комплекс, он неизбежно будет сдерживать рациональные действия, подменяя их бесплодными дискуссиями, рассуждениями вокруг да около, ибо сути действительного положения дел невозможно увидеть романтическим зрением: его оптика имеет свою интенциональность, свой ракурс и свои слепые пятна. О неспособности романтического мышления к действию свидетельствует не в последнюю очередь тот факт, что

в посткоммунистическом мире не может дойти до логического завершения ни один политический скандал. Он начинается и завершается сенсационными сообщениями, которые вследствие своей растянутости превращаются в рутинные будничные дела. Забываются, а то и принимают неожиданный поворот многие криминальные дела в разных регионах СНГ и странах бывшего социалистического содружества.

Политическая романтика не выносит повседневности, серых будней, монотонных календарей. Ее хронософия отсылает нас либо к вечному и непреходящему, либо к неопределенному началу, часу X. Дню великой Победы и свершению исторической судьбы (время нации, судьбоносный момент, время свершений и т.п.). Она любит празднества. Показательно, что даже в периоды обострения кризисных ситуаций в Украине, России и других постсоциалистических странах с купеческим размахом проводятся народные гуляния, они же по традиции завершают избирательные кампании. Однако, как справедливо замечают многие исследователи посткоммунистической действительности, карнавализация политической жизни, поддерживаемая романтическим сознанием, утрачивает конструктивный потенциал, превращаясь в суету вследствие отсутствия энергии для серьезных дел и искренности для самопознания посредством смеховой культуры (1. с. 105).

Героизация повседневности, присущая политической романтике находит выражение в неоднозначном отношении к социальной политике. Так, в консервативной ее разновидности социальная политика рассматривается как досадная необходимость, с которой приходится сталкиваться политику строящему воздушные замки. Спускаясь на землю, романтики в лучшем случае начинают размахивать волшебными палочками. В худшем - эти же палочки превращаются в дубинки, которыми усмиряются все те, кто не хочет жить по романтическим правилам и выходит из игры. Романтическое политическое сознание мстительно и не прощает измен. Оно не поступается принципами, поскольку претендует на монополию изначальных устоев бытия. Как идея органического, так и идея динамического, лежащие в основе романтического политического мышления, немислимы без интенсивной эксплуатации метафоры рождения и смерти.

Стереотипы такого мышления легко переносятся в действительные ситуации. Там оно последовательно разрушает инстинкт самосохранения - и на уровне отдельной человеческой жизни, и на уровне социумов. Ритуал жертвоприношений - неотъемлемая составляющая романтической политической практики. На жертвы во имя достижимых идеалов или возрожденческих амбиций должно быть готово население - материал для политика-художника, для которого эстетический аскетизм всегда предпочтительнее „монотонной” социальной политики, нацеленной на расцвет

и благосостояние, т.е. - на сытость, которая якобы изначально враждебна духовным поискам. Включение в смысловое поле романтического комплекса проблематики героической смерти, готовности к ней чревато многими опасностями, которые нельзя упускать из поля зрения. Так, требования самопожертвования и принесения в жертву других во имя нации, отсутствие толерантности, голодовки как средство политического шантажа и давления, террор, применение насилия, расшатывают устои демократической политической культуры. Как свидетельствует история, политическая романтика прокладывает путь тоталитаризму, узаконивает политические преступления и наемные убийства. Последние стали привычным делом в странах СНГ, провозглашающих в романтическом порыве идеалы демократии и свободы, но забывая о них в повседневной жизни.

Перечисленные моменты раскрывают принципиальную нетерпимость политической романтики по отношению ко всякой без исключения социальной действительности. С точки зрения политической романтики она подлежит незамедлительной реконструкции или в радикальном случае - уничтожению. Даже самое общее введение в феноменологию политической романтики вынуждает поставить прагматический вопрос о ее целесообразности. В самом деле, зачем нужны демократическому политическому сознанию романтические идеи? Повторим вслед за А. Шопенгауэром - для ужаления самолюбия. Политическую романтику следует не изживать, не изгонять и уж подавно не запрещать. Необходимо научиться управлять ею.

Литература

1. Волкова Е. В., Оруджева С.З. Тона и обертоны серьезного в философии М. Бахтина // Вопросы философии, 2000, № 1.
2. Игнатъев А. Русская философия истории: романтический консерватизм // Вопросы философии, 1999, № 11.
3. Caesar G. Wanderungen durch die bewegten Zeiten. Sassenberg, 1996.
4. Elias N. Studien ueber die Deutschen. Machtkampfe und Habitusentwicklung im 19. und 20 Jahrhundert. Frankfurt a. M. 1989.
5. Loewith K. Der okkasionelle Dezisionismus von Carl Schmitt // Saemtliche Schriften in 8 Bd. Bd. 8. Stuttgart 1984.
6. Nietzsche F. Nachlassen Fragmente 1884-1885. Muenchen 1988.
7. Tillich P. Die sozialistische Entscheidung. Berlin. 1980.